

С РАБОЧЕГО СТОЛА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Е.Ю. Шер

ТАЙНА ИМЕНИ КАК «СУДЬБА САМОЙ СУЩНОСТИ» В РОМАНЕ В.К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА «ПОСЛЕДНИЙ КОЛОННА»

В романе «Последний Колонна» В.К. Кюхельбекер создает образ романтического героя со всеми наиболее характерными (для данного типа) «родовыми» признаками. Джиованни Колонне свойственны претензии на избранность, исключительность, сила и неистовство бушующих в душе страстей, внутренняя борьба такой напряженности, что ее не выдерживает его рассудок (исходом этой борьбы становится безумие, низвергающее героя в «бездну ночи вечной»), обостренно конфликтные отношения с миром (конфликтность вообще в природе характера Колонны: он сам говорит о своей «дикой независимости», ставшей причиной его неуживчивости, называет себя «нелюдимом»), контрастная противопоставленность всем персонажам в романе. На Колонне лежит типично романтическая печать отверженности (он чужой не только в России, но и на родине, «несчастной, неблагоприятной», хотя и «дорогой», где все «растерзало» ему «сердце»), непризнанности («земляки» с «хладнокровием» «приняли ... картину» Колонны, в «северном» отечестве Пронского он всего лишь никому не известный «живописец» из Италии), одиночества (Юрий, хоть и «точно славный человек», в силу своего ничем не колебимого душевного равновесия не смог понять Колонну, а связь с «другом» Филиппо Малатеста обрывается во второй части романа). Даже зло, которое творит Колонна в финале романа, «под стать» его высокому романтическому статусу.

Однако поскольку поступки Колонны, по Кюхельбекеру, «суть проявление его личных наклонностей»¹, то выбор «между добром и злом» – это, прежде всего, свободный выбор героя.

А.В. Щеглов, размышляя о вещих снах, тревожных предчувствиях и страшных предсказаниях (которые, по мысли исследователя, в структуре романа Кюхельбекера есть и «свидетельства предопределения», господствующего в мире, и «своего рода "вехи" на пути итальянца к преступлению»), заключает: «Не только страшному предсказанию Агасфера "обязан" Колонна своим нравственным падением. Внеся в дневник шекспировские цитаты, он ... расписывается в собственном бессилии, признает над собой власть "теней" и "грозных ужасов". Его участь предопределена всем ходом повествования»². Мы не можем согласиться с утверждением исследователя о господствующей в романе идее роковой предопределенности человеческой жизни, по непостижимой логике которой итальянский художник – будто бы только жертва, поскольку его злодеяние было предначертано

свыше. «Проклятие» «загадочного серого человека», первым нарекшего Колонну Каином, во II части романа начинает тревожить не одного только главного героя. Чувство необъяснимого ужаса охватывает всех персонажей, так или иначе соотнесенных с образом Грауманна–Агасвера. Например, la jeunesse Victor, воспринимающий Грауманна лишь как «серого человека» и приравнивающий его дар пророчества к обычному умению гадалки («Говорят, он большой ворожея и предсказатель, точно наша мамзель Ленорман»)³, не смог найти «не только дома, где жил фигляр, но и улицы его», хотя и «пробродил всю ночь» – «к своему крайнему изумлению и ужасу» [559-560]. Глафира Ивановна Перепелицына, руководствующая в жизни здравым житейским смыслом, видит на рисунке «страшного итальянца» «чудовищные хари», одна из которых «похожа на того серого человека» [559]. Сама того не зная, «маиорская дочь» поддается тому же смешанному чувству ужаса («чудовищные») и ненависти, омерзения («хари»), которые испытывает к Агасверу Колонна и которое побудило его изобразить на картине «Смерть Авеля» не «причудливый профиль» (как «в Николин день ... на карточке»), а «чудовищную харю» (вспомним, что герой в дневнике скажет: «рожа Агасвера»). Колонна в своем безумии воспринимает «серого человека»–Агасвера едва ли не виновником своего несчастья, оттого что тот проник в самую тайную суть его, «прозрел» природу обуревающей его «страсти», которой герой так долго и мучительно сопротивлялся. Таким образом, с нашей точки зрения, само развитие действия, психологическая закономерность его показывают с полной очевидностью, что дело не в предопределении, не в мистической настроенности героя: всем строем романа Кюхельбекер ведет читателя к пониманию того, что не предсказание привело Колонну к Поступку, но Поступок был предreshен его натурой, был актом его волеизъявления.

Еще в I части романа (письмо 4) Колонна напоминает другу о «роковой тайне» своего имени, которая «лишила» его «и счастья, и покоя, и наслаждения успехами»: «Последний Колонна! Зачем и поныне не называюсь Лонна, как то назывался целые 50 лет слепой арфист – бродяга, отец мой? Он считал, что ему

¹ Пульхритудова Е.М. О жанровой дифференциации романтической поэмы 30-х гг. XIX в. // Европейский романтизм. – М.: Наука, 1973. С. 264.

² Щеглов А.В. «Голос» Шекспира в романе В.К. Кюхельбекера // Русская литература. – 2004. – № 2. – С. 151, 157.

³ Попытка постичь феномен Грауманна–Агасвера с точки зрения обыденного сознания, носителем которого является недалекий слуга Пронского («Отправлюсь к нему спросить: *женюсь ли я на девице Розе...*» – ср. с высоким намерением Колонны и Пронского познать себя), не увенчалась успехом. Victor даже не был удостоен внимания «проклятого жиды»: «... сам он ко мне не вышел, а выслал хозяина ... да вот еще с каким ответом, что-де я ветеран старой гвардии "der grosser Narr <большой дурак> (нем.)"» [559].

Здесь и далее цит. по: Кюхельбекер В.К. Последний Колонна // Путешествия. Дневник. Статьи. – Л.: Наука, 1979 (с указанием страницы в тексте работы).

нейдет носить имя, с коим в целой Италии ни одно не сравнится ни древностию, ни знаменитостию. Сто раз, Малатеста, я тебе рассказывал, как старик при последнем издыхании открыл мне, кто мы; как вручил мне неоспоримые доказательства, что в моих жилах точно течет кровь покорителя Карфагена. <...> Мне было тогда 16 лет: но в одну ночь из отрока я стал мужем; я перескочил возраст юношества, возраст любви, радости, доверчивости, упоения. Чего же странствующий арфист надеялся? Или несчастный Джиованни лучше его? Африканский! Взгляни на внука своего <...> [528]. Итак, отец некогда отрезал от древнего имени, считая себя недостойным «носить» его, сын вновь вернул себе полное имя. Но почему?

В начале XX века А.Ф. Лосев, разрабатывая теорию знака, символа, мифа и имени в их диалектическом единстве, писал: «В ... имени – встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия. <...> В имени – средоточие всяких физиологических, психических, феноменологических, логических, диалектических, онтологических сфер. Здесь сгущена и нагнетена квинтэссенция как человечески-разумного, так и всякого иного человеческого и не-человеческого, разумного и неразумного бытия в жизни. <...> Тайна имени в том и заключается, что оно – орудие общения с предметами и арена интимной и сознательной встречи с их внутренней жизнью»⁴. По мысли философа, именно «в имени как символе сущность впервые является всему иному», ибо «в символе как раз струятся те самые энергии, которые, не покидая сущности, тем не менее частично являют ее всему окружающему. <...> Символ ... превратившись в демиургийную энергию имени, превращает сущность уже в живое существо, или миф, и этот мифический момент имени есть уже вершина диалектической зрелости имени»⁵. Следовательно, по логике исследователя, «все особенности в судьбах слова (и имени) ... есть не больше и не меньше, как судьба самой сущности»⁶. А значит, меняя имя («сущность»), человек меняет и свою судьбу.

Выбор (определение) «имени-судьбы», таким образом, – один из основных моментов становления, самоопределения личности, на чем в тексте романа и акцентирует наше внимание автор. Ведь одному (отцу) почему-то «нейдет носить имя», а другому (сыну) невозможно оставаться Лонной.

Джиованни Колонна называет своего великого предка «покорителем Карфагена», «Африканским». Юрий Пронский в письме к Владимиру Горичу (письмо 2) также не обходит стороной вопрос имени своего нового друга: «... он ... носит славное имя: *Колонна*. Колонны, ты знаешь, ведут свой род от Сципионов»⁷ [524]. Так для чего Кюхельбекер вводит в свой роман эту явно неслучайную параллель: Колонна – Сципион, что нового мы узнаем через это сродство о главном герое, насколько значимой является «демиургийная энергия имени»? Корнелий Сципион Эмилиан (III в. до н.э.), получивший прозвище Африканский за завоевание Карфагена, был не про-

сто его «покорителем». После завоевания армией Сципиона города сенатская комиссия вынесла решение о полном его уничтожении: Карфаген был положен, горел 16 дней, затем на территории разрушенного города плугом была проведена борозда в знак того, что это место предано проклятию⁸.

Выдвинем предположение: в имени «Колонна» уже изначально заключается разрушительная «энергия», о чем, правда, еще не догадывается сам Джиованни. Для него, избранника, имя великого предка есть подтверждение оправданности, правомочности личных притязаний на величие и бессмертие в веках. Величие имени воспринимается им как величие его носителя, что герой постоянно акцентирует, снова и снова называя себя (будто хочет утвердиться в своем праве носить это имя): «... что такое обыкновенные успехи для *Колонны*? У *Колонны* не должно быть совместников; первым, единственным должен он быть на поприще, которое избирает, – или ничем» [528]. Отречение отца от имени Джиованни воспринимает как слабость: «Чего же странствующий арфист надеялся?». Однако отец Колонны, отказавшись от полного имени своих предков, избирает себе не более простую судьбу: странствия бродяги арфиста, к тому же еще и слепого, вряд ли можно назвать легкой долей. Скорее – это отречение от «гордыни» во имя «чистого искусства». Он, вероятно, точно знал истинную сущность (цену) разрушительного начала, заложенного в имени. Не случайно на картине Колонны «Смерть Авеля», в деталях, как мы помним, добросовестно описанной Глафирой Ивановной Перепелициной (письмо 15), но не прозревающей ее тайного смысла, «носится чуть-чуть видная фигура какого-то арфиста: *арфист закрывает себе лицо рукою и, по-видимому, плачет*» [560].

Отсылка к Сципиону Африканскому, содержащаяся в I части романа, получает свое развитие, оказывается понятной лишь в конце II части. Только тогда, когда выбор сделан окончательно и бесповоротно («Not to be, не так ли, Гуильельмо Шекспир?» [568]), когда мучительная борьба, раздирающая душу героя, завершается в «груди», «изнемогающей и раздавленной», полным торжеством «совершенно поработившей» ее страсти, ведущей к преступлению, раскрывается истинный смысл «энергии имени», становятся видны «все отроги, расходящиеся отсюда по всем сторонам»⁹, устанавливается (через толщу веков) незримая связь между Колонной и его предком – разрушителем Карфагена.

Таким образом, образ Джиованни Колонны в рассматриваемом нами романе Кюхельбекера раскрывается не только в свете разных сознаний – извне и изнутри, но и благодаря подтекстным связям, ассоциациям и параллелям (в том числе знакам и символам культуры). Все это способствует созданию образа сложной, внутренне противоречивой личности центрального персонажа романа, несущего на себе всю «тяжесть» его идейно-философской «нагрузку».

⁴ Лосев А.Ф. Философия имени. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 33, 49.

⁵ Там же. С. 98, 107.

⁶ Там же. С. 158.

⁷ Выделено автором. – Е.Ш.

⁸ См. об этом, напр.: История Древнего мира. Древний Рим / А.Н. Бадак, И.Е. Войнич, Н.М. Волчек и др. – Минск: Харвест, 1998. С. 99-165.

⁹ Лосев А.Ф. Философия имени. С. 107.